

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Дорогие гости. Эскиз (Сибирские рассказы)

Впервые опубликован в газете «Русские ведомости» 1898, № 241, 1 ноября. Включен автором в состав «Сибирских рассказов» при издании их в 1905 г. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. III, М., 1905.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0013
III.....	.0022



В казачьей станице Веселый Куст уже три дня готовились к приему дорогих зарубежных гостей. Станица разметала свои избенки у подножия горы Караульной, отрога Общего Сырта. Кругом — ни кустика, ни былинки, и только старые громадные пни по скату горы свидетельствовали, что здесь когда-то стоял громадный сосновый бор. Башкиры его берегли не одну сотню лет, но надвинувшаяся «казачья цивилизация», как выражался горный инженер Черноногов, не согласилась с его существованием и свела все до последней веточки. Станичные старички и старушки еще помнили столетние сосны, куда ребятами бегали за грибами, а теперь от бора остались одни пни, точно гнилые зубы. Да, прежде все было: на горе стоял бор, под горой протекала горная речка Незамайка, в речке было видимо-невидимо рыбы и т. д. Когда вырубили бор, Незамайка пересохла, а рыбу выловили дотла еще раньше. Одним словом, дыхание казачьей цивилизации сказывалось на всем.

Сама по себе казачья станица, как и все казачьи станицы, ни издали, ни вблизи ничего привлекательного не представляла, кроме казачьего убожества и непокрытой бедноты. Избенки крохотные, кое-как сгороженные из березы и осины, крыши соломенные. Единственная станичная улица заменяла собою помойную яму и место свалки всякого домашнего сора и не просыхала даже в самое жаркое лето. Лучшая изба — сравнительно, конечно, как и все на свете, — принадлежала станичному атаману Кузьме Псалму. В ней сейчас помещалась главная контора золотых промыслов Мутных и К^о. Прииски были разбросаны в верховьях Незамайки и по ее притокам.

Сейчас в конторе находились сам хозяин Егор Никитич, седенький старичок с козлиной бородкой, выбившийся в золотопромышленники из простых рабочих, и горный инженер Черноногов, полный, упитанный господин за сорок лет, с красным носом и красивыми глазами навывкате. Хозяин все сидел у окна и угнетенно вздыхал, а Черноногов все время придумывал, что бы ему съесть, благо

всевозможных закусок было заготовлено достаточно.

— Если взять сардинку и посыпать ее зеленым сыром, — думал вслух Черноногов, — да прибавить костяного мозга, да поджарить испанского лучку, да гарнировать фаршированными оливками...

Он закрывал глаза, чмокал жирными красными губами и безнадежно махал затёкшей от жиру короткой рукой.

— Егор Никитич, что же это будет, а? — спрашивал он, охваченный съедобным изнеможением.

— Надуют эти самые французы — вот что и будет, — ворчливо отвечал Мутных. — И что это тебе только далась эта самая еда?

— Еда? Ах, ты, сыромятный человек... Да в еде вся сила! Не понимаешь? Вот ты наешься своего студня из бычьих ног, нахлебаешься редьки с квасом, наешься зеленого лука — сидеть с тобой рядом нельзя. А тут приедут люди культурные. Одним словом, цивилизация... Все-таки не понимаешь?

— Чего тут понимать? Такие же люди, как и мы, грешные... У них свой закон, у нас свой.

Только и всего...

Черноногов возмущался. В молодости он был раза два в Париже, когда там пела Жюдик, и считал себя специалистом по части заграницы. Ни одного спектакля с m-me Жюдик [1] не пропустил и пообедал во всех лучших ресторанах.

— Французы — самый веселый народ, — объяснял он. — Только французы умеют веселиться и жить вообще. Мы дикари... Да, настоящие дикари... И потом... да... Да что тут говорить, все равно ничего не поймешь! Кстати, где Кузьма?

— Сам же ты его послал за этой киргизкой.

— Ах, да. Красавица эта Макэн... А французы любят красивых женщин и знают в них толк.

Мутных вскакивал, начинал бегать по комнате и отплеывался.

— Грешно это, Антон Павлыч, да. Не стало тебе по станицам казачек? Нет, подавай ему нехристь... Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Да я и куска в рот не возьму, когда она будет в избе... Не хочу греха на душу брать. Да...

— Опять не понимаешь ничего... Ведь это

настоящий шик: этнографическая горничная... Ха-ха!.. Живая этнография, понимаешь?

— Она и в избе будет в шапке ходить. Подумать-то, так тошно.

— Глупости. Мы этой этнографией так сразу и придавим милейших наших французов.

— Ох, горе душам нашим! Только что и будет... Не отмолишь потом грехов-то.

— Вот продадим прииски, тогда и молись, сколько душе угодно...

— Что-то от Введенского нет письма.

— Что ему писать — он ждет французов в Златоусте. Срочная телеграмма из Парижа получена еще на той неделе.

Ждет-то он ждет, а я до смерти боюсь этих самых обвокатов... Увертливы уж очень.

Есть чего бояться... Мы сами кого не обманули бы.

— Ох, продаст он нас, — стонал Мутных.

— У нас условие...

— Да ведь условие-то он сам же писал. Да...

Он и с нас сдерет и с французов сдерет...

Дело шло о продаже промыслов французской анонимной компании, представителей которой ждали сейчас в Веселом Кусте. Про-

стой приисковый старатель из раскольников, Мутных случайно разбогател и сделал целый ряд новых заявок. Но разрабатывать их у него не хватало денег, и заявки пустовали. Чтобы вывернуться, Мутных затеял устроить компанию и сразу попал на таких компаньонов, как горный инженер не у дел Черноногов и провинциальный адвокат Введенский. Мутных хотел убить двух зайцев разом: и горный инженер и адвокат были люди нужные по своим специальностям. Но оба компаньона оказались на беду полными бессребрениками, и Черноногов весело отшучивался на эту тему.

— Я себя считаю на золотую валюту, — оправдывался он. — Счет на серебряные рубли не для меня... Я стою выше предрассудков.

Единственным выходом из этого положения для Мутных являлась продажа промыслов. Иностранцы за последние годы просто наводняют Урал своими капиталами, и Введенский предложил устроить продажу. Дело было аховое, и Мутных действительно трепетал за собственное существование.

Атаман Кузьма Псалом явился рано утром.

Он ехал на мохноногом рыжем иноходце, а за седлом боком сидела Макэн, очень красивая девушка-киргизка, в серой мерлушчатой шапке и в пестром шелковом бешмете.

— Вот какую птаху привез... — объяснял атаман, спешиваясь. — Сам бы ел, да деньги надо.

В наружности атамана ничего атаманского не было. Самый простой мужичок с песочной бородкой и кривой на один глаз. В качестве станичного начальства он ничего не делал и только выискивал даровой выпивки. И сейчас он был под хмельком, хотя и держался в седле крепко.

Черігоногов сделал Макэн настоящий солдатский смотр. Девушка улыбалась, показывая два ряда чудных зубов. Это была настоящая степная красавица, с таким тугим степным румянцем и шелковым загаром.

— Я думал, что тебя отец не отпустит, — говорил Черноногов, довольный осмотром.

— Отчего ему не пускать? — ответила девушка. Она говорила бойко по-русски. — Я не замужем...

У атамана Кузьмы Псалма была жена, ря-

бая, костлявая баба, но Черноногов вперед выговорил условие, чтобы она не смела и носу показывать, когда приедут французы.

— Поверьте, я уж знаю, какой вкус у французов, — уверялон. — А твоя Дарья, Кузьма, все дело испортит.

От адвоката Введенского не было ни слуху ни духу, и Черноногов от нечего делать занимался воспитанием Макэн¹. Он учил ее, как нужно готовить постели, накрывать на стол, подавать кушанье и т. д. Для наглядности он сам усаживался за стол, изображая предполагаемого гостя-француза, и заставлял Макэн служить. Макэн оказалась понятливой девушкой, хотя и не могла отучиться от дурной привычки закрывать лицо широким рукавом своей татарской рубахи.

— Прелестная дикарка... — думал вслух Черноногов, смакуя приготовленное для гостей вино. Нос у него краснел все больше и больше.

Мутных иногда наблюдал эту комедию в дверную щель и вздыхал все угнетеннее. Прямо бесовская потеха... Макэн он называл кобылятницей и не упускал случая устроить ей какуюнибудь каверзу. По его настоянию атаманиха водила Макэн в баню и мыла чуть не с песком.

— Лошадью от нее так и воняет, — уверял

Мутных. — Всю посуду перепоганит... Ах, Антон Павлыч, Антон Павлыч!.. Может, эти самые французы тоже кобылятину жрут.

— Еще похуже, чем кобылятину: лягушек едят, — уверял Черноногов. — А яйца едят засиженные, когда в них заведется цыпленок.

— Горе душам нашим!

— Сыр едят непременно с червями, а сандвичи приготавливают из дупелиного помета...

Собственно своя горная часть совсем не интересовала Черноногова. Все его мысли сосредоточивались на еде. А вдруг Введенский не привезет обещанного повара из Златоуста? Тогда все піропаіло. Меню Черноноговым было выработано с особенным старанием, причем главную роль играла «национальная идея». Например, московская рыбная жидкая селянка из харюзов? Что вы скажете на это? А ботвинья с уральским балыком и рггстегаями из налиమ్ей печенки? А настоящий кавказский шашлык? А карась в сметане, поросенок с хреном, гурьевская каша, фарширозованный калач, уха из живых налимов? Получалась настоящая артиллерия, и Черноногов торжествовал вперед. Для couleur locale[2] можно

пустить сибирские пельмени и сибирские пироги с рыбой. Ну, а там уж повар должен знать специально французскую кухню — все эти бульоны, соуса, бифштексы, рагу и прочую дребедень. Черноногова убивала в этом отношении только мысль о салате. Для настоящего француза обеда без салата не существует, а где его возьмешь в Веселом Кусте? (Конечно, Введенский захватит салат из Златоуста, но это обеспечение много-много на два дня, а дальше срам и позор.

— Ох, уж этот мне салат! — повторял он, ломая руки.

Кузьма Псалом был свидетелем этого отчаяния и только чесал в затылке.

— Боже мой, а о шампиньонах я и забыл! — чуть не плакал Черноногов. — Французы признают только два гриба: трюфели и шампиньоны. Да...

— По-нашему, просто поганки, — заметил Мутных.

Наконец из Златоуста прискакал нарочный. Введенский писал на ресторанном счете, что французов приехало трое. Они передохнут один день, а потом отправятся в Весе-

лый Куст. По расчетам Черноногова, триста верст можно было проехать в одни сутки с небольшим. На счастье, погода стояла прекрасная.

— А о салате ни одного слова! — стонал Черноногов. — Зарежет меня злодей! Вся моя этнография к черту полетит.

Но в назначенный день французы не приехали, и Черноногов с горя напился с Кузьмой Псалмом. Ожидание было самое томительное.

Гости не приехали и на следующий день. Черноногов не знал, что и думать. Не случилось ли дорогой какого-нибудь несчастья, а то, может быть, Введенский мог допустить какую-нибудь ошибку. По-французски он говорил, как собаки лазают через забор, и по части тонкости обращения тоже плоховат. Еще провретя что-нибудь.

Черноногов спал, когда наконец гости приехали. Макэн попробовала его будить, но безуспешно. Когда он проснулся утром, Макэн, улыбаясь, объяснила ему:

— Она приехала...

— Кто она?

— А гость....

— Как приехала?!

— На лошадях приехала.

— Вот тебе и фунт... А где Введенский?

— Она спит.

— Ты смотри, не разбуди гостей... Макэн только засмеялась.

— Она давно ушла, — объяснила она, указывая рукой в сторону гор. — Вся троя ушла... и Егор ушла...

Черноногов в отчаянии схватил себя за волосы. И во всем виноват этот идиот Введенский... Он бросился к нему в избу, разбудил и напустился на него с пеной у рта:

— Зарезал, разбойник... зарезал!

— Нет, ты меня зарезал, — оправдывался Введенский. — Во-первых, тебя не могли ночью разбудить — раз... а потом, эта твоя этнография... Представь себе, те заходят в комнату, она здороваётся с ними за руку да еще улыбаётся, каналья. Французы приняли ее за мою жену... Веселенький пейзажик получил-ся.

— Но ведь меня могли разбудить рано утром, чтобы проводить их.

Адвокат, полный, с седеющей бородкой господин, потянулся, сладко зевнул и спокойно ответил:

— Ну, это напрасно... Их тоже не следует баловать. Народ такой, знаешь...

— Какой?

— А черт их разберет... Мне кажется, что они притворяются. Представь себе, не могут ехать в нашем тарантасе, а подавай им ресурсный экипаж... Ну, три дня и тащились триста верст... Намаялся я с ними порядочно.

— А салат? — вспомнил Черноногов.

— Спроси у повара... Я совсем забыл о твоём салате. Черноногов изобразил статую немого отчаяния. Забыть салат?! И это называется дело делать... А еще адвокат! Все дело начинало проваливаться...

Черноногов наскоро умылся, наскоро выпил «заказную» утреннюю рюмку водки, чтобы заморить червячка, сделал необходимые распоряжения подлецу-повару, которому сказано было о салате и который забыл о нем второпях, и потащил Введенского на прииск.

— Я-то что буду там делать? — ворчал адвокат, любивший покейфовать за самава-

ром. — Это уж твое дело...

— Нет, брат, пойдём. Ты меня представишь...

Было уже часов десять, когда они отправились на Незамайку. Во дворе стояли дорожные тарантасы, а около них ходил Кузьма Псалом, чувствующавший влечение, род недуга, к каждому экипажу. Черноногов н-адел для неизвестной цели охотничьи сапоги, захватил палку со стальным молоточком и даже бинокль. Введенский, побряхтывая, шел за ним в летней чесучовой паре.

— Эх, планы-то я и забыл! — спохватился Черноногов, когда они подходили уже к караульной.

— Планы у них, — коротко объяснил Введенский. — Не беспокойся, они не забудут, как мы с тобой.

До первого Аристарховского прииска было версты четыре, и Введенский ворчал, жалуясь на свои городские летние башмаки. Французы были уже на прииске, очевидно, проверяя межи под руководством Мутных.

— Высокий седой старик с бородой — это и есть хозяин, — объяснял Введенский. — М-г де

Круа... А рядом с ним толстенный бритый старичок — его помощник, м-г Жобель. А худенький молодой человек — горный инженер, м-г Лудье. Тебе с ним придется иметь дело...

Знакомство произошло какое-то странное. М-г де Круа едва протянул Черноногову два пальца и сейчас же обратился к Введенскому за разъяснением какой-то неточности в плане. М-г Жобель оказался гораздо любезнее, хотя невольно бросалась в глаза его странная привычка следить за каждым движением хозяина. Впрочем, так же делал и м-г Лудье.

— У них, брат, солдатская субординация, — объяснил Введенский, подмигивая Черноногову. — Вот этот чержшазенький — горный инженер, а в присутствии хозяина не смеет сесть. Старик держит их в ежовых рукавицах.

— Меня он, кажется, принял за приказчика или что-нибудь в этом роде? — уныло догадывался Черноногов, сразу потерявший присутствующую ему юркость.

— У них, брат, там свои порядки.

Пока шел самый подробный осмотр Аристарховского прииска, м-г де Круа не обра-

щал никакого внимания на Черноногова и самым обидным образом не замечал его присутствия и даже не отвечал, когда он вставлял какое-нибудь замечание. Черноногов под конец обиделся.

— А, черт... — ворчал он себе под нос. — А еще считается самой вежливой нацией.

— А ты заметил, как он два раза посмотрел на твой красный нос? — шутил Введенский.

— А ну их к черту...

Огорчения не приходят, как известно, в одиночку, а семьями. Все надежды Черноногова заключались по части желудка дорогих гостей, но и тут он потерпел полное фиаско. Этнографической кухни они не понимали и ели только бульон с гренками, яйца и бифштекс. К «французским» винам отношение было тоже самое обидное. Впрочем, ш-г Жобель хотел было выпить вторую рюмку русской водки, которая ему очень понравилась, но ip-г де Круа строго на него посмотрел и еще строже проговорил:

— М-г Жобель, нельзя... Мы приехали сюда работать, а не пить русскую водку.

Это уже было нахальство, возмущившее Черноногова до глубины души. Что же это такое, в самом деле? Ведь, кажется, ip-г Жобель не мальчик и может себе позволить вторую рюмку... Вообще старик де Круа возмущал своим поведением на каждом шагу. Держал он себя совершенно неприступно, едва устаивая ответом. По части французской любезности было совсем плохо, что доставляло

Введенскому большое удовольствие.

— Ты-то чему радуешься? — накидывался на него Черноногов с пеной у рта. — Кажется, мы ни в чем не можем себя упрекнуть по части любезности... А если они держат себя скотами, то ведь я не виноват. Я сам приготавливал ботвинью, а старик взял в рот одну ложку и выплюнул. То же и с расстегаями и с пельменями...

Весь образ жизни дорогих гостей представлялся Черноногову одним сплошным оскорблением, начиная с того, что французский день начинался ровно в шесть часов утра. Вечером все отправлялись спать по команде в десять часов. Не могло быть и речи о том, чтобы посидеть за столом часиков до двух утра, поесть хорошенько и лихо выпить. Черноногов привык вставать в одиннадцать часов утра, а тут должен был подниматься тоже в шесть, чтобы сопровождать гостей на промыслы. Они все хотели видеть, исследовать лично и проверить. Происходили прекомичные сцены. Французы самым тщательным образом проверяли каждый прииск, поскольку он соответствует планам. При такой поверке

случился курьез: двух приисков, нанесенных в план, не оказалось, а третий прииск оказался вне всякого плана.

— Странно... Это очень странно, — повторял м-р де Круа, рассматривая красный нос Черноногова с особенным вниманием.

— План составлял не я, а горное правление, — оправдывался Черноногов. — Во-вторых, не мог же я спрятать в карман эти дурацкие два прииска.

— И все-таки странно, — невозмутимо повторял м-р де Круа, делая гримасу.

— Ну, наконец, это ошибка!

— В деле не должно быть ошибок...

Как оказалось, о границах своих владений у всех компаньонов оказались довольно смутные представления. Мутных только вздыхал, разводил руками и ссылался на свою безграмотность.

— Странно... Очень странно, — повторял м-р де Круа, пожимая плечами. — Вы спросите у м-р Жобель, он укажет вам то, чего вы не знаете...

Ровно в двенадцать часов французы завтракали, потом отдыхали, а в два часа опять

уходили на работу до восьми часов вечера. И так каждый день... Даже Введенский, смотревший на все и на всех с иронией, и тот заметно приуныл.

— Это черт знает, что такое! — ругался Черноногов. — Они все жилы вымотают из живого человека...

— Да,, того, вообще...

В течение двух недель работы на приисках были закончены. Все границы определены в точности, м-г Жобель составил свои собственные планы, а м-г Лудье устроил что-то вроде минералогического кабинета. Месторождение всех золотоносных россыпей было исследовано самым точным образом, во всех деталях. Но все это были только подготовительные работы, а настоящее исследование горных пород и песков должно было произойти в специальной лаборатории в Париже.

— А мы-то все на глаз делаем, — удивлялся без конца Мутных, почесывая в затылке. — Ну и французы!.. Вот это так грамотные, охулки на руку не положат. Недаром у них денег куры не клюют... Душеньку вынули, прямо сказать. А главное — в аккурате себя содер-

жат.

Своими впечатлениями Мутных делился главным образом с атаманом Кузьмой, который вполне ему сочувствовал.

— Я так полагаю, что эти самые французы из военных, — соображал Кузьма. — Очень уж строго себя содержат... Из артиллерии, не иначе.

— А моим-то компаньонам как они хвост прижали! — злорадствовал Мутных. — Хоть матушку-репку пой.

— Вполне прижали... Антон-то Павлыч вон даже похудел из себя и напивается в одиночку.

— Они, брат, выучат, как жить на белом свете. А мы-то сдуру: французы, деньги у них шальные и прочее такое несообразное. А у француза каждый пятак двухвершковым гвоздем приколочен... У нас по старой вере крепко живут, а они себя попревосходнее оказали...

Черноногов не мог выдержать до конца двухнедельного искуса и последние четыре дня сказывался больным, несмотря на все увещания Введенского. Он лежал в избе и

плевал в потолок.

— А черт с ними со всеми! — ругался он. — Это какие-то выжиги. Золото ищут, как бежавшего с каторги преступника... Нет, брат, шалишь. Ищи, хоть лопни...

Введенский только махнул рукой; С горя Черноногов напивался каждый день, приглашал Макэн и заставлял ее петь киргизские песни.

— А вот назло им возьму да и женюсь на тебе, Макэн, — говорил он. — Пойдешь за меня, орда?

— Нет, — отвечала Макэн не без кокетства. — У меня есть жених лучше тебя...

Накануне отъезда ш-г де Круа «позволил себе» просидеть за ужином часов до двенадцати и даже разговорился. М-г Жобель воспользовался моментом и позволил себе выпить вторую рюмку русской водки, причем от души пожалел, что т-г Черноногов не мог принять участия в общем пиршестве.

— Я в первый раз в России, — говорил ш-г де Круа, — и невольно удивляюсь... да... Очень оригинальная страна. Никто не хочет работать... Да, странно...

Французы ранним утром уехали одни. Их провожал атаман Кузьма, сидевший на козлах молодцом. Черноногов видел в окно, как выехали со двора два тарантаса, и проговорил:

— К черту!..

Пришел Введенский и долго молчал.

— Ну, брат, Антон, и задали они нам баню.

— К черту! — рычал Черноногов.

— Нет, знаешь, оно того... Как это тебе сказать? Одним словом, мы вымирающие, ленивые, пьяные русские люди... Я это почувствовал в первый раз в жизни... да. Дикари.

— К черту!..

Примечания

Жюдик Анна (1846–1911) — французская опереточная актриса; неоднократно выступала в Петербурге.

[^^^]

2

Местный колорит (франц.).

[^^^]